

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Стяжкиной Ольги Викторовны
«Археологические исследования М. П. Грязнова на Алтае и юге
Западной Сибири», представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 — Археология

Диссертация О. В. Стяжкиной, представленная к защите, соответствует всем формальным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, является самостоятельным законченным научным произведением и обладает несомненной научной новизной. Рукопись диссертации содержит 196 страниц текста и 96 страниц иллюстраций и таблиц, составляющих приложения к работе. В структурном отношении диссертация состоит из введения, трёх глав, каждая из которых разделена на две части, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и многочисленных приложений (иллюстративной и табличной части).

Тема исследования, отражённая в названии диссертации, сформулирована О. В. Стяжкиной корректно, хотя и несколько общо, и в этом отношении название диссертации могло бы сопровождаться разъясняющим подзаголовком. Впрочем, во введении к работе автор подробно излагает основные аспекты своего исследования.

О. В. Стяжкина выбрала для изучения и осмысления одну из крупнейших фигур советской археологии — доктора исторических наук, профессора Михаила Петровича Грязнова, основателя ленинградской школы археологии Сибири, многолетнего руководителя крупных новостроекных экспедиций, скрупулёзного полевого исследователя и автора общепринятых культурно-хронологических схем. Намерение диссидентки исследовать его вклад в археологию Алтая и Западной Сибири и обобщить имеющиеся, в том числе, в архивах материалы не вызывает удивления. Напротив, личность и научные труды М. П. Грязнова, с самых первых лет после ухода учёного из

жизни, а в последние десятилетия всё чаще и чаще, становятся объектом историографических и биографических исследований. Отчасти это связано с общим поворотом интереса отечественных археологов в конце XX – начале XXI века к истории собственной науки и созданию биографий её ведущих представителей, отчасти — с личностью самого М. П. Грязнова, чьи идеи не только пережили своего автора, но и, во многом, определили вектор современных представлений о путях и механизме культурогенеза древних обществ Алтая и юга Западной Сибири в эпоху бронзы и раннем железном веке.

При этом О. В. Стяжкиной удалось органично вписать свою работу в круг уже имеющихся исследований научного пути и идей М. П. Грязнова, носящих, в основном, частный характер, благодаря последовательному и комплексному подходу к изучению его научного наследия. А также благодаря тому, что её диссертация — первое монографическое исследование, посвящённое не только конкретным идеям учёного, но и охватывающее несколько десятилетий научной жизни М. П. Грязнова и нацеленное на осмысление результатов его работ в конкретном регионе.

Диссертационное исследование О. В. Стяжкиной заполняет довольно крупное белое пятно в истории археологических исследований на Алтае и юге Западной Сибири. В своей работе автор вводит в научный оборот (многие — впервые!) архивные материалы и обобщает данные, характеризующие собственные полевые исследования и теоретические разработки М. П. Грязнова, относящиеся к первой половине его научного пути, остающейся до настоящего времени наименее изученной и понятной.

Следует подчеркнуть, что, в этом отношении, автор диссертации принимает на себя большую ответственность, так как исследует и презентует именно тот период жизни М. П. Грязнова, в который, во многом, происходило становление его как самостоятельного исследователя и оригинально мыслящего учёного. И это именно те годы, в которые закладывался фундамент большинства его идей в науке, и впервые

опробовались практические подходы к исследованиям археологических памятников, позднее ставшие классическими для его школы.

Забегая вперёд, отмечу, что О. В. Стяжкиной удалось в своей диссертации наметить правильные подходы к решению этой нетривиальной задачи и, в целом, объективно оценить вклад М. П. Грязнова в процесс археологического изучения Алтая и юга Западной Сибири.

Перейдём теперь к краткой характеристике составных частей диссертационного исследования О. В. Стяжкиной и разбору его основных положений.

Во введении к работе О. В. Стяжкина указывает на актуальность темы своего исследования, анализирует степень её разработки в трудах других учёных, описывает объект и предмет исследования, его цели и задачи, аргументирует географические и хронологические рамки работы, характеризует принципы и методы исследования и обширную базу источников, обосновывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость диссертационного исследования, описывает полученные результаты и перечисляет положения, выносимые на защиту. Всё вышеописанное сделано докторанткой на должном уровне.

Необходимо отметить непосредственную заслугу автора в разыскании и введении в научный оборот целого ряда архивных документов и некоторых археологических коллекций, связанных с научной деятельностью М. П. Грязнова. Особенно важной представляется работа автора с такими слабо известными и плохо охарактеризованными частями научного наследия учёного, как документы Омской части архива М. П. Грязнова и коллекции, хранящиеся в отделе Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Тщательное изучение большого массива документов из фонда М. П. Грязнова в Научном архиве ИИМК РАН и документов из ряда других архивов также свидетельствует о глубине проработки материала и комплексном подходе автора к процессу решения задач диссертационного исследования. Особо хотелось бы обратить

внимание на заслугу О. В. Стяжкиной, выразившуюся во введении в научный оборот документов, касающихся организации и проведения раскопок Первого Пазырыкского кургана и участия М. П. Грязнова в работе экспедиции.

В главе 1 своей диссертации О. В. Стяжкина подробно разбирает начало пути М. П. Грязнова в науке: его знакомство с ведущими исследователями Сибири, работу в экспедициях старших коллег и первые самостоятельные разведки и раскопки. Текст главы изобилует новой информацией о конкретных памятниках, обстоятельствах их открытия и исследования М. П. Грязновым лично или в составе экспедиции С. И. Руденко. Приложения к этой главе содержат большое количество архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот диссертанткой впервые.

В целом, первая глава производит хорошее впечатление за счёт насыщенности фактическим материалом, широкого охвата архивных и литературных источников, наличия аналитической составляющей. Диссертанткой избран определённый принцип подачи материала, который, преимущественно, соблюдается в обоих параграфах первой главы. Это описание полевых работ М. П. Грязнова, основанное на данных архивных источников и немногочисленных опубликованных работах, указание на формат и характер введения материалов в научный оборот, обобщение сведений о дальнейшей судьбе памятников, открытых и исследованных М. П. Грязновым, оценка перспективности и актуальности изучения памятников, полевой документации и коллекций вещей, из них происходящих, краткий анализ значения работ рассматриваемого периода для становления учёного.

Однако, в результате того, что в главе разбирается много частных, хотя и важных, моментов полевых и кабинетных исследований довоенного и послевоенного времени, приводится обширная и подробная сводка памятников, обследованных М. П. Грязновым, обобщаются результаты их

изучения в наши дни, её структура оставляет впечатление некоторой рыхлости, а содержание — перенасыщенности материалом. Создаётся впечатление, что для диссертантки важнее было продемонстрировать владение большим объёмом новой информации и предъявить её, чем строго подчинить этот объём задачам исследования, что придаёт этой главе несколько хрестоматийный характер.

Представлялось бы уместным акцентировать именно в этой главе влияние опыта совместной работы не только с С. И. Руденко, но и с С. А. Теплоуховым на начальном этапе научной карьеры М. П. Грязнова, а также шире развернуть анализ влияния раскопок кургана Шибе и Первого Пазырыкского кургана на сложение методики полевых исследований молодого учёного.

Глава 2 диссертации посвящена истории и результатам изучения М. П. Грязновым археологического комплекса Ближние Елбаны и спасательным работам, проходившим под его руководством, в зоне затопления Новосибирской ГЭС.

В целом, она выстроена автором по той же схеме, что и первая глава диссертации, за тем только различием, что материал внутри неё распределён по параграфам по принципу соотнесения его с работами одной или другой экспедиции, а в первом параграфе преобладает новый принцип описания результатов исследований — исходя из культурной принадлежности памятников. Эта глава также явилась результатом тщательно спланированной работы диссидентки в архивах и музеиных фондах, хотя объём привлекаемого к анализу опубликованного материала, по понятным причинам, выше, чем в первой главе.

Анализируя работы М. П. Грязнова на Ближних Елбахах, О. В. Стяжкина справедливо указывает, в качестве образца для них, исследования С. А. Теплоухова в Батенях. Остаётся только сожалеть о том, что диссидентка не решилась на более глубокий сопоставительный анализ работ С. А. Теплоухова на Енисее и М. П. Грязнова на Оби, что, несомненно,

привело бы её к интересным и важным выводам о масштабе влияния идей учителя на ученика. Но, следует признать, что это и не являлось целью настоящей диссертации.

Отмечу, что первый параграф второй главы диссертации О. В. Стяжкиной вполне может быть признан самоценным очерком истории изучения археологического комплекса Ближние Елбаны, в контексте археологических исследований на Алтае в XX веке, и вполне может быть развернут в самостоятельное исследование обобщающего характера. В случае обращения докторантки к этому в дальнейшем, я бы хотел только посоветовать ей всё же провести детальный сравнительный анализ методов и результатов работ М. П. Грязнова и С. А. Теплоухова в Батенях и на Ближних Елбанах. Для изучения методики создания культурно-хронологических схем развития древних обществ в регионе Южной Сибири — это две классические работы.

Исследуя историю и результаты работ М. П. Грязнова в зоне затопления Новосибирской ГЭС, О. В. Стяжкина тщательно изучила и обобщила ещё один значительный комплекс архивных данных — неопубликованные отчёты Новосибирской экспедиции — одной из первых в ряду крупных послевоенных спасательных экспедиций, которыми руководил М. П. Грязнов, и в рамках которой он апробировал целый ряд новых методов и подходов к исследованию ранее слабоизученного археологического района. Важным представляется уточнение судьбы и мест хранения археологических коллекций, полученных во время работы экспедиции, а также прояснение истории с устройством специальной отчётной выставки в Новосибирском областном краеведческом музее до разделения и перемещения коллекций. Отмечу также, что и второй параграф второй главы может быть развернут в самостоятельное исследование, посвящённое не только истории и результатам работ Новосибирской экспедиции, но и, в целом, истории археологического исследования района в XX веке.

Третья глава диссертации О. В. Стяжкиной посвящена изучению самого интересного и никогда до конца не понятного ни современникам, ни потомкам, аспекта работы учёного — «исследовательской кухни» М. П. Грязнова. Если первые две главы диссертации дали нам достаточно полное представление о масштабах работ, их целенаправленности, результативности и значении для археологии региона, то «исследовательская кухня» — многое может сказать не только о личности учёного, но и об эпохе, в которую он жил и работал, и частью которой, таким образом, был.

В первом параграфе третьей главы О. В. Стяжкина достаточно подробно разбирает трансформацию культурно-хронологических концепций М. П. Грязнова на протяжении его активной научной жизни. Важно, что докторантка отмечает, хотя и не углубляясь в этот вопрос, непосредственное влияние на научную мысль учёного традиций палеоэтнологической школы, как минимум, в лице С. А. Теплоухова, и теории стадиальности академика Н. Я. Марра. Весьма подробное изложение культурно-хронологических схем развития древних обществ Алтая и юга Западной Сибири в трудах учёных того же поколения и следующих поколений исследователей позволяет докторантке поместить идеи М. П. Грязнова в сравнительный ряд, проследить их трансформацию в трудах современных учёных и прийти к очевидному и справедливому выводу о том, что в основных чертах его разработки не утратили актуальности и в настоящее время.

Во втором параграфе третьей главы О. В. Стяжкина обращается к актуальной и до сих пор не до конца изученной проблеме: рождению концепции «ранних кочевников» М. П. Грязнова, в связи с работой группы ГАИМК по истории кочевого скотоводства. Важным представляется вывод докторантки, полностью базирующейся на данных архивных источников (материалы М. П. Грязнова, относящиеся к работе в группе ИКС), о том, что в основе всего лежала сугубо практическая, можно даже сказать хозяйственная, пользуясь терминологией советского времени, задача — разработка теоретических основ государственного регулирования кочевого

скотоводства в условиях скотоводческих совхозов. Вообще, на мой взгляд, степень влияния государственных задач в предвоенный период на развитие молодой советской археологии и появление новых направлений исследований (в том числе, целенаправленных спасательных работ) не просто остаётся практически неотрефлексированной научным сообществом (историками науки, прежде всего), но и редко вообще становится предметом специальных исследований в истории археологии. Так что внимание к этой проблеме, проявленное даже на уровне частного замечания в диссертации, можно только приветствовать.

Оба вывода, сделанных О. В. Стяжкиной в результате целенаправленного и последовательного анализа идей М. П. Грязнова, связанных с обоснованием термина «эпоха ранних кочевников» и его участием в работе группы ИКС в самом начале 1930-х годов, вполне адекватно описывают не только конкретную историографическую ситуацию, но и современную исследовательскую практику. Действительно, термин «эпоха ранних кочевников» до настоящих дней активно используется в аналитических работах, особенно представителями ленинградской школы археологии Сибири, но его наполнение остаётся, во многом, вариативным, а общепринятой дефиниции его не существует, что отчасти объясняется общим снижением интереса к теоретическим разработкам в среде отечественных археологов постсоветского периода. Диссидентка абсолютно права и в том, что при ретроспективном анализе работ идей М. П. Грязнова, становится очевидным, что именно он может претендовать на роль основоположника отечественного кочевниковедения. Более того, перефразируя и усиливая ещё один тезис О. В. Стяжкиной, хотелось бы указать на то, что целый ряд идей М. П. Грязнова, сформировавшихся у него ещё в 1930-е годы, не только лёг в основу его собственных разработок и разработок его прямых учеников, но и вообще определил вектор развития целой научной школы, а именно ленинградской школы археологии Сибири.

В завершающем разделе диссертации О. В. Стяжкина кратко перечисляет основные практические результаты своего исследования, справедливо отмечая свои заслуги по введению в научный оборот неизвестных и малоизвестных архивных материалов и музейных коллекций, и приводит ряд выводов, в лапидарной форме повторяющих выводы, сделанные в конце каждой из трёх глав.

Некоторое удивление вызывает, правда, помещение в заключительный раздел диссертации, предназначенный для подведения окончательных итогов работы и расстановки необходимых акцентов, блока информации справочного характера: о месте хранения архивного наследия М. П. Грязнова и о научных конференциях, проводимых в его честь в разных городах. Подобная информация, в целом, носит служебный характер и её логично размещать в такой части диссертации, как «Введение» или «История исследования проблемы».

Отдельной заслугой автора является объёмный блок приложений к диссертации, несомненно, потребовавший значительных временных, технических и логистических усилий для своего создания. В какой-то мере, он обладает самостоятельной ценностью, так как целый ряд архивных документов, помещённых в нём О. В. Стяжкиной, может быть источником самостоятельных исследований частных сюжетов научной карьеры М. П. Грязнова и жизни его идей в науке.

В целом, оценивая диссертационное исследование О. В. Стяжкиной достаточно высоко, учитывая его несомненную актуальность и принимая во внимание большую поисковую, источниковедческую и публикационную работу, сделанную автором, при подготовке диссертации, я хотел бы высказать и ряд замечаний, которые можно разделить на две группы: формальные и содержательные. Первые относятся к особенностям авторского изложения и структуре работы, а вторые — к сути исследования и отдельным выводам диссертантки.

Сначала я приведу замечания формального характера.

1. Во введении к диссертации, в подразделе «Актуальность темы» (с. 3–5) О. В. Стяжкина помещает своеобразную биографическую справку о жизни и научной деятельности М. П. Грязнова в период, соответствующий хронологическим рамкам работы, с явным акцентом на полевые исследования учёного. С одной стороны, идея вводного представления центральной фигуры диссертационного исследования выглядит логично, с другой стороны, удивляет размещение этой информации именно во введении к диссертации, где обычно указываются стандартные и достаточно формальные данные обосновательного свойства (слабая изученность темы, отсутствие работ обобщающего характера, принципиальное значение фигуры учёного или результатов его работ для становления региональной археологической школы или создания научной концепции и пр.). Более уместным краткое перечисление этапов полевых исследований М. П. Грязнова выглядело бы в начале первой главы, где бы оно предваряло подробное изложение его научной биографии по направлениям экспедиционных работ и давало бы возможность читателю увидеть некоторую схему подачи материала в диссертации.

2. Отсутствие сквозного списка иллюстраций, размещённых автором в приложениях к тексту диссертации, очевидным образом затрудняет для читателя обращение к этой немаловажной составляющей части работы. Тем более это странно, учитывая тот факт, что каждая иллюстрация или таблица в этой части работы является отдельным приложением и имеет собственный номер и название.

Кроме того, неочевидны принципы размещения и группировки конкретных материалов в приложениях: здесь имеются копии фотоснимков из публикации, копии архивных материалов (рукописных и машинописных документов, рисунков и фотоснимков), таблицы и списки, составленные самим автором, в результате перепечатки информации из архивного источника... Более разумным и удобным для использования представляется разделение материалов из приложений на группы источников, в зависимости

от их характера и формальных параметров (иллюстративный ряд отдельно от таблиц с текстовым содержанием, например).

Здесь же, в качестве отдельного принципиального замечания, следует отметить тотальное отсутствие стандартного описания публикуемых (даже на правах рукописи!) оригиналов архивных документов, при их воспроизведении в качестве фото/ксерокопии, либо, тем более, при переводе их в современную таблично-машинописную форму, путём набора на компьютере. Нигде нет указания на характер архивного документа или фотоснимка: отпечаток фотоснимка, автограф, машинопись и так далее!

3. Очевидно неудачными являются такие вводимые автором определения как «горная интеллигенция» или «слабо изученная территория» (с. 134), «предметы, предназначенные для использования останков животных» (с. 156) и прочее, при включении которых в текст, явноискажается семантическое поле высказывания. Подобные окказиональные конструкции лишь усложняют восприятие авторской мысли. Не говоря уже о том, что использование окказионализмов не является удачным приёмом при написании научного текста.

В ряде высказываний и вовсе нарушена логика. Например, что имеется в виду под «устоявшимися теоретическими принципами» (с. 149)? Принципы, то есть основания, исходные положения, тем более теоретические, не могут быть «устоявшимися» или «неустоявшимися». Они либо существуют и применяются, либо их нет. В равной степени, вопреки утверждениям диссертантки, «массовым репрессиям» невозможно подвергнуть отдельную личность (с. 141).

4. В целом ряде мест диссертации О. В. Стяжкина указывает на необходимость написания и опубликования монографического исследования алтайского периода в научной судьбе М. П. Грязнова. Подобные замыслы можно только приветствовать! Однако хотелось бы обратить внимание автора диссертации на необходимость не только ставить перед собой достойные задачи, но и стремиться к их воплощению на соответствующем

задаче уровне. Как научный редактор с многолетним стажем, я настойчиво прошу О. В. Стяжкину при подготовке потенциальной публикации тщательно переработать рукопись диссертации. В процессе создания научного текста крайне важно избегать канцеляризмов и окказионализмов, не опережать мыслью слово, а также тщательно соблюдать единый стиль и структуру повествования. К сожалению, в предоставленных мне для отзыва экземплярах диссертации и автореферата оказалось изрядное количество банальных опечаток. Кроме того, часто, по отсутствию согласования в предложении, я мог легко проследить ход авторской мысли, что было отчасти увлекательно, но в значительной степени отвлекало меня от основной задачи оппонента — внимательного ознакомления с идеями автора и методами его работы.

5. Анахронизмом выглядит тот факт, что в приложении 40 приводится фотоснимок автора диссертации с комментарием, что на нём запечатлен современный вид Пятого Пазырыкского кургана, в то время как снимок явно сделан до начала многолетних работ по доисследованию памятника и реконструкции его насыпи или в самом их начале. К настоящему моменту опубликовано уже несколько статей, содержащих актуальные снимки памятника, на которых видно его нынешнее состояние (в процессе доисследования и по итогам реконструкции насыпи). Было бы правильно использовать именно их для иллюстрации состояния Пазырыкского могильника в наше время.

Теперь перейду к замечаниям по сути работы.

1. Глава 1 диссертации О. В. Стяжкиной разделена на два параграфа, которые, видимо, должны отражать два этапа становления учёного: самостоятельные исследования и работу в экспедиции под руководством С. И. Руденко. В хронологическом отношении это примерно один и тот же период, что уже затрудняет разнесение событий по разным категориям и делает подобное разделение несколько искусственным. Кроме того, возникает закономерный вопрос: почему самостоятельные исследования

М. П. Грязнова рассматриваются сначала, а его работа в экспедиции С. И. Руденко лишь во вторую очередь, хотя очевидно, что второе предшествовало первому и, во многом, определяло его?

2. В обоих параграфах значительное место уделено истории и результатам исследования памятников, открытых и изученных М. П. Грязновым, следующими поколениями учёных, вплоть до современности. Насколько было необходимо столь подробное изложение этого материала, учитывая тот очевидный факт, что диссертация посвящена раскопкам М. П. Грязнова, а не работам представителей барнаульской или других археологических школ? Подобное смещение фокуса исследования, во-первых, не выглядит оправданным, а, во-вторых, не приводит к какому-то очевидному результату — вклад М. П. Грязнова соотносится диссиденткой с вкладом последующих поколений учёных не сравнительно, а в значительной степени описательно, в силу чего, ответственность в формулировании критической или позитивной оценки, косвенным образом, переносится автором на читателя диссертации. Тщательное изложение истории изучения археологических памятников от момента открытия до наших дней имело бы смысл в работе несколько иного плана, обобщающей исследования конкретного памятника или района на протяжении всего их периода.

При этом, недостаточно внимания уделено диссиденткой изучению условий становления М. П. Грязнова, как самостоятельного исследователя, и влияния эпохи и личностей старших коллег на круг его научных интересов и методы работы. Об этом говорится, но вскользь. И читатель, мало знакомый с биографией М. П. Грязнова и его кругом общения на этапе вхождения в науку, может составить лишь поверхностное впечатление об основных факторах и причинах формирования его как учёного.

Особенно это касается участия М. П. Грязнова в раскопках Пазырыкских курганов (Первого Пазырыкского кургана), которые стали, во многом, определяющим и поворотным моментом для всей дальнейшей

научной карьеры учёного. Именно в этот период окончательно сформировался его интерес к эпохе ранних кочевников, и именно здесь коренятся причины его дальнейшего бесповоротного методического расхождения с С. И. Руденко.

На мой взгляд, в первой главе диссертации, при всей её насыщенности материалом, О. В. Стяжкиной не удалось обоснованно разделить первый, довоенный период работ на два чётко обусловленных содержанием этапа. Вероятно, это связано с тем, что само разделение, предложенное докторанткой, изначально имело искусственный характер, а материал трудно поддавался структурированию в заданных рамках.

3. Лишь частично высказанные выше замечания можно повторить в адрес второй главы диссертации: чрезвычайно подробное изложение истории и результатов исследований в регионе после работ М. П. Грязнова снова не выглядит столь необходимым и оправданным. И, во многом, по той же причине. Хотя, в целом, оба параграфа второй главы производят очень хорошее впечатление, а с точки зрения содержания и формы явно претендуют на самоценные законченные работы, о чём я уже говорил выше.

4. Основная аналитическая часть диссертации — глава 3, как и две предыдущие, состоит из двух параграфов, хотя их равнозначность не так очевидна, как, например, в главе 2. Первый параграф представляет собой историю становления учёного, описанную через его работу над моделями хронологических периодов культурного развития древних сообществ региона. При этом докторантке следовало бы более чётко расставить акценты и подробно описать два важнейших принципа этой работы: выбор конкретного микрорайона, насыщенного археологическими памятниками широкого временного диапазона, и использование, в качестве руководящего образца, периодизационной схемы минусинских культур, выработанной в результате исследований в Батенях С. А. Теплоуховым. Очевидно, что М. П. Грязнов оказался лучшим и, по сути, единственным учеником

С. А. Теплоухова, а его работа в составе Алтайской экспедиции С. И. Руденко, при всей её важности, с точки зрения знакомства с новыми территориями, типами памятников и выработкой собственного метода раскопок «царских» курганов со сложной каменной наземной конструкцией (сказавшегося, кстати, через сорок лет на раскопках кургана Аржан в Туве) не имела таких глубоких последствий для становления М. П. Грязнова как учёного определённой школы.

Излишним в первом параграфе представляется практически дословный повтор сюжета с видоизменением культурно-хронологической схемы, разработанной М. П. Грязновым на материалах Верхней Оби, от 1930-х к 1950-м годам (С. 78–80 и 136–137). Учитывая, что достаточно подробно он был разобран в соответствующем месте главы 2, можно было здесь лишь кратко этот разбор резюмировать.

Второй параграф третьей главы диссертации содержит последовательный разбор двух взаимосвязанных сюжетов, которые, на мой взгляд, несколько искусственно разведены автором: разработка понятия «эпоха ранних кочевников» и работа в группе ИКС, в связи с изучением причин возникновения кочевого скотоводства. Более стройно эта часть главы выглядела бы при параллельном и хронологически взаимосвязанном анализе двух сюжетов, тем более что О. В. Стяжкина, рассматривая один из них, сплошь и рядом привлекает другой.

Важно, что диссидентка сочла необходимым хотя бы кратко проанализировать завершающий этап формирования в работах М. П. Грязнова концепции «эпохи ранних кочевников» — этап, связанный с раскопками кургана Аржан в Туве и последующей интерпретацией полученных материалов. Напрямую эта часть научного творчества М. П. Грязнова не касается региона Алтая и Верхнего Приобья, но всё же необходимо заметить, что основополагающие идеи были им сформулированы ещё тогда, во время работ в другом регионе. И именно с

ними, и с теми историческими условиями, в которых формировался исследователь в 1920–1930-е годы и связаны и очевидные достоинства, и столь же очевидные недостатки идеи о существовании аржано-черногоровской фазы в развитии материальной культуры ранних кочевников Евразии.

Завершая на этом разбор диссертации, отмечу, что О. В. Стяжкина, несомненно, обладает не только такими важными для исследователя качествами, как склонность к вдумчивым архивным поискам, способность целенаправленного и глубоко планирования задач, понимание не всегда очевидной взаимосвязи условий формирования личности учёного и характера его концептуальных разработок, но и особой, в достаточной степени оправданной результатами смелостью в выборе объекта и предмета исследования. Хочется надеяться на то, что через некоторое время мы действительно увидим первую монографию о М. П. Грязнове, в той же степени фундированную, в коей и внимательную по отношению к личности этого выдающегося учёного. Для этого у О. В. Стяжкиной есть огромный и качественный задел.

В заключение отмечу, что высказанные выше замечания, возражения и пожелания имеют преимущественно частный характер и не могут кардинально повлиять на общую мою положительную оценку диссертационного исследования О. В. Стяжкиной.

Достоверность положений и выводов исследования подтверждена публикациями автора по теме диссертации в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов исследования, и других изданиях.

Автореферат полностью отражает основное содержание диссертации.

Таким образом, диссертационное исследование Ольги Викторовны Стяжкиной «Археологические исследования М. П. Грязнова на Алтае и юге

Западной Сибири» соответствует требованиям пункта 9 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения научных степеней», а его автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. — Археология.

4 сентября 2023 г.

Кандидат исторических наук

Смирнов Николай Юрьевич

старший научный сотрудник

Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

«Институт истории материальной культуры Российской академии наук»,

Специальность 5.6.3 — Археология

ФГБУН «Институт истории материальной культуры Российской академии наук»,

Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, лит. А.

Тел.: +79214061144

E-mail: kolaksais@yandex.ru

